ОГОНЕКЪ

Иллюстрированное Обозрѣніе
общественной и политической жизни, наукъ и изящныхъ искусствъ
ПРИЛОЖЕНІЕ
къ „ИЛЛЮСТРИРОВАННЫМЪ БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ".

№ 18 Воскресенье 22 мая (4 Іюня) 1905 г. № 18

Апостолъ славянства.

Изъ воспоминаній Г. Луазона. Первые шаги Штроссмайера. „Воля папы—Божья воля".—Въ тройственномъ плѣну.— Свобода и давленіе.—Штроссмайеръ и папа Пій IX.—Агитація въ пользу отдѣленія республики отъ римской церкви.

Недавняя кончина выдающагося славянскаго дѣятеля, епископа Штроссмайера, извѣстнаго своими симпатіями къ Россіи, вызвала рядъ воспоминаній о покойномъ. Весьма интересны воспоминанія, посвященныя памяти епископа Штроссмайера талантливымъ французскимъ проповѣдникомъ Гіацинтомъ Луазономъ, состоявшимъ съ нимъ въ дружественныхъ отношеніяхъ.

Судьба самого Луазона весьма достопримѣчательна.

Во времена Наполеона III онъ считался однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ церковныхъ ораторовъ. Въ то время Гіацинтъ Луазонъ принадлежалъ къ доминиканскому ордену; затѣмъ онъ перешелъ въ орденъ кармелитовъ. Страстныя обличенія, которыми Луазонъ клеймилъ съ каѳедры злоупотребленія католическаго духовенства, возстановили противъ него вліятельныя сферы. Генералъ ордена запретилъ ему произносить подобныя проповѣди. На это распоряженіе Луазонъ отвѣтилъ отказомъ отъ проповѣднической каѳедры въ соборѣ Notre-Dame и выходомъ изъ монастыря. Отлученный затѣмъ отъ церкви онъ принялъ дѣятельное участіе въ старокатолическомъ движеніи. Съ 1874 г. Гіацинтъ Луазонъ живетъ въ Парижѣ; онъ женатъ и не перестаетъ агитировать, посредствомъ чтенія лекцій, въ пользу освобожденія французскаго національнаго католицизма отъ вліянія Рима.

Популярность, которою заслуженно пользовался епископъ Штроссмайеръ,—по словамъ Гіацинта Луазона,—пережила его кончину. Штроссмайеръ горячо любилъ свой народъ. Свою дѣятельность, свой умъ и свое крупное состояніе онъ посвящалъ всецѣло служенію славянству австро-венгерской имперіи. Ободряющее, упорядочивающее вліяніе Штроссмайера проникало во всѣ рѣшительно области народной и общественной жизни; отъ историческихъ традицій до сельско-хозяйственнаго развитія, отъ школъ и университетовъ до крестьянскаго коневодства, ничто не ускользало отъ его попечительнаго вниманія.

Христіанство представлялось ему религіей, которая въ будущемъ объединитъ весь міръ; кромѣ того, онъ признавалъ ее предназначенной для этого міра. Не ограничиваясь обѣтами будущей жизни, онъ заботился о примѣненіи христіанскихъ идеаловъ къ запросамъ современной дѣйствительности. Епископъ Дьяковара посвятилъ всю свою жизнь—Господу и отчизнѣ, и любовь къ нимъ проявилъ гораздо ярче своими дѣйствіями, нежели словами.



Перевезеніе тѣла Ея Высочества въ Петропавловской крѣпости.

Свою церковь онъ любилъ такъ же, какъ свою родину,—не съ тою раболѣпною угодливостью, которая отождествляетъ церковь съ личностью папы и заставляетъ большинство французскихъ епископовъ послушно гнуть спины передъ кумиромъ, созданнымъ ими себѣ, по укоризненному выраженію умирающаго Монталамбера,—изъ Ватикана. „Воля папы—Божья воля!" — восклицаютъ они ежедневно, сводя къ этимъ кощунственно-унизи-



Внесеніе тѣла въ Петропавловскій соборъ.

Похороны въ Бозѣ почившей Княжны Наталіи Константиновны въ Петербургѣ.

Съ фотографій генерала Ал Насвѣтевича, автотипія „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей".

тельнымъ словамъ новую религію, основанную Піемъ IX.

Больше, чѣмъ годъ спустя послѣ ватиканскаго собора, постановленія котораго Штроссмайеръ отказался подписать, онъ писалъ Луазону изъ Рима: „я посѣтилъ папу и выполнилъ всѣ обязанности, къ которымъ насъ понуждаетъ долгъ почитанія и благочестія, я высказалъ по отношенію къ нему столько смиренія, кротости и терпѣнія, сколько было для меня возможно, по вмѣстѣ съ тѣмъ, я сохранилъ всю твердость духа и устойчивость, которыя приличествують искреннему человѣку и епископу. Я не погрѣшилъ противъ своей совѣсти, старательно приложился къ выясненію истины. Я сообщу вамъ подробности, какъ только буду имѣть удовольствіе повидать васъ и догадливаго Деллингера... Я думаю, что святой отецъ введенъ въ заблужденіе невѣрнымъ преданіемъ, собственными предразсудками и, больше всего, окружающей его средою. Онъ связанъ всѣми этими условіями и, на мой взглядъ, не обладаетъ силою, необходимою для расторженія своихъ узъ и для возвращенія себѣ свободы дѣйствій, безъ которой не могутъ быть выполнены ни задачи церкви, ни требованія, предъявляемыя къ папскому престолу".

Въ этомъ тройственномъ плѣну—ложнаго преданія, личныхъ предразсудковъ и окружающей среды, согласно мѣткому опредѣленію Штроссмайера,—по мнѣнію Луазона—и нынѣ пребываетъ папа Пій X. Жертвами этихъ условій являлись Пій девятый и Левъ тринадцатый, не измѣнились условія и въ настоящее время, не измѣнятся и при послѣдующихъ преемникахъ Пія X,—пока не будетъ подвергнутъ коренному преобразованію самый институтъ папства.

При такомъ стѣсненіи свободы, руководительство, которому Римъ хочетъ подчинить всѣхъ католиковъ, лишается всякаго религіознаго значенія.

Луазонъ, отвлекаясь въ сторону отъ прямого предмета своихъ воспоминаній, ополчается противъ ватиканскаго собора, на которомъ былъ провозглашенъ догматъ папской непогрѣшимости. Любопытно, между прочимъ, что онъ отказывается признать этотъ соборъ „вселенскимъ", такъ какъ патріархи и епископы греческой и русской православной церкви хотя и были приглашены, но имъ было предоставлено только подчиниться рѣшенію собора, а не обсуждать его.

На участниковъ собора было оказано самое недвусмысленное давленіе. Тѣмъ не менѣе, Штроссмайеръ отстоялъ свою свободу дѣйствій. Онъ былъ однимъ изъ вождей оппозиціи и произнесъ смѣлую, блестящую рѣчь, которая не была дослушана до конца раболѣпнымъ большинствомъ папскихъ клевретовъ; подлинный текстъ рѣчи Штроссмайера такъ и не появился въ печати. Приведенныя имъ доказательства свидѣтельствуютъ неопровержимо, что изъ нѣдръ собора вышла новая католическая церковь, находящаяся въ противорѣчіи не только съ исторіей, но и съ Евангеліемъ. Начало соборности было вытѣснено изъ ея основного строя авторитетомъ единичнаго лица. Такимъ образомъ, съ 1870 года прежняя вселенская католическая церковь перестала существовать, выродившись въ папскій католицизмъ подъ вліяніемъ мистическихъ идей Пія IX, интригъ іезуитовъ и давленія, такъ называемой, католической религіозной прессы.

Какъ до собора, такъ и послѣ него стойкій епископъ Діаковара не соглашался на перемѣну своей религіи.

Встрѣтившись съ епископомъ Штроссмайеромъ въ Римѣ, у одной знатной русской дамы, Луазонъ слышалъ изъ его устъ замѣчательныя подробности о борьбѣ, которую ему пришлось выдержать съ папой Піемъ IX, непремѣнно хотѣвшимъ, чтобы Штроссмайеръ подписалъ актъ о новомъ догматѣ папской непогрѣшимости.

— „Провидѣніе возвело меня въ санъ епископа, довѣрило стоять на стражѣ вѣры среди вѣрующихъ, я не могу поступить вопреки своей совѣсти,—заявилъ Штроссмайеръ Пію IX-му. Запаситесь терпѣніемъ, ваше святѣйшество. Понадобилось много лѣтъ и больше чѣмъ одинъ соборъ, чтобы установить точную формулу относительно Божественности Іисуса Христа. То же самое произойдетъ и съ изысканіемъ правильной формулы для опредѣленія папской власти".

Но Пій IX не хотѣлъ ничего слышать, не вникалъ ни въ какія возраженія. Насколько кротокъ бывалъ онъ обыкновенно, настолько же необузданно проявлялъ свое раздраженіе въ порывѣ запальчивости. Въ данномъ случаѣ его возбуждало, кромѣ того, самомнительное представленіе, будто онъ вдохновленъ самимъ Господомъ. Бесѣда завершилась тѣмъ, что папа гнѣвно сломалъ перо, которое тщетно пытался вручить упорствующему епископу. Зная, что Штроссмайеръ пользуется огромнымъ вліяніемъ среди славянскихъ католиковъ, Пій IX вынужденъ былъ примириться съ его отказомъ, опасаясь, что иной образъ дѣйствій можетъ вызвать массовое отпаденіе славянъ отъ Рима.

Позднѣе, — по воспоминаніямъ Луазона, уже при папѣ Львѣ XIII,—дьяковарскій епископъ согласился на оффиціальное обнародованіе новаго догмата въ своей епархіи, но самъ лично такъ и не подписалъ акта, устанавливающаго папскую непогрѣшимость. Въ личныхъ бесѣдахъ съ Луазономъ онъ выражалъ, однако, нѣкоторую склонность къ компромиссу,—во избѣжаніе будто бы раскола среди католическаго духовенства. „Формулы суть не что иное, какъ только формулы, — сказалъ онъ. Подписывайтесь подъ ними, не читая, если это обязательно". Насколько согласуются воспоминанія Луазона объ этихъ бесѣдахъ съ дѣйствительными взглядами епископа Штроссмайера, судить, конечно, трудно. Въ виду, однако, противорѣчія между такимъ оппортюнистскимъ совѣтомъ и стойкостью, проявленной лично самимъ Штроссмайеромъ по вопросу о признаніи папской непогрѣшимости, позволительно допустить, что епископъ лишь примѣнился къ воззрѣніямъ собесѣдника. Во всякомъ случаѣ, отвѣтственность за приписываемыя Штроссмайеру слова всецѣло оставляемъ на Г. Луазонѣ.

Французскій проповѣдникъ признаетъ, впрочемъ, что Штроссмайеръ никогда не переставалъ стремиться къ реформѣ католической церкви. Главнымъ условіемъ обновленія ея онъ считалъ отмѣну обязательнаго безбрачія католическаго духовенства. Луазонъ приводитъ по этому поводу слѣдующій отрывокъ изъ письма, присланнаго ему Штроссмайеромъ: „Передайте вашей супругѣ мой поклонъ. Я искренно уважаю ее. Благословите также отъ моего имени ваше возлюбленное дитя. Обнимаю васъ отъ всего сердца и пребываю любящимъ васъ на всю жизнь и въ вѣчности. Вашъ отецъ во Христѣ".

Подобно всѣмъ авторамъ воспоминаній, Гіацинтъ Луазонъ, насколько можно судить по оглашенію имъ этой интимной записки, не забываетъ и о себѣ. Гораздо интереснѣе другой отрывокъ изъ переписки съ епископомъ Штроссмайеромъ, приводимый далѣе Луазономъ. Въ апрѣлѣ 1878 г., т. е. спустя много лѣтъ послѣ мнимаго подчиненія Риму, славянскій іерархъ написалъ ему: „Я полагаю, что Провидѣніе уже приступило къ реформѣ католической церкви. Конецъ, положенный свѣтской власти папства, является первымъ шагомъ на пути къ преобразованію. Великія реформы требуютъ, конечно, времени, а люди, обыкновенно, весьма нетерпѣливы. Однако, утрата свѣтской власти неизбѣжно должна повлечь за собою усиленіе вселенскаго характера въ римской церкви, притомъ не только въ институтѣ кардинальства, но и во всемъ сложномъ аппаратѣ, извѣстномъ подъ именемъ римской куріи; она вызоветъ также періодическій созывъ вселенскихъ соборовъ и ихъ организацію. Геніальный папа, очевидно, могъ бы ускорить реформу, но никакой папа не въ силахъ остановить движенія, безусловно необходимаго для міра и взятаго уже въ свои руки Господомъ и Его Божественнымъ Сыномъ... Франція необходима для Европы; Франція тысячу разъ права, любя свободу... Таково безсмертное предназначеніе церкви: она не должна болѣе препятствовать стремленію народовъ къ свободѣ,—напротивъ, церковь должна благословить его и внушать вѣрующимъ, чтобы они сдѣлали себя достойными этой свободы, укрѣпляясь въ добродѣтели и принося всякаго рода жертвы, которыя возлагаетъ на нихъ христіанство".

Относительно раскола, внесеннаго въ католицизмъ претензіями папы Пія IX на непогрѣшимость, Штроссмайеръ писалъ Луазону: „Возсоединеніе раздѣлившихся церквей есть излюбленное дѣло Провидѣнія. Но сама римская церковь нынѣ весьма удалилась отъ возможности оказать какое-либо содѣйствіе этому великому дѣлу. Объединяетъ только любовь, гордость возбуждаетъ раздоры"...

Конецъ своихъ воспоминаній Луазонъ посвящаетъ истолкованію библейскаго видѣнія пророка Даніила. Штроссмайеръ, хотя и любилъ библію, но, по мнѣнію французскаго проповѣдника, не усматривалъ связи между древними пророчествами и современностью. Между тѣмъ, самъ Луазонъ предвидитъ, что нынѣшняя агитація въ пользу отдѣленія французской республики отъ римской церкви нанесетъ рѣшительный ударъ папскому могуществу. Кромѣ упрека Штроссмайеру въ томъ, что онъ слишкомъ щадилъ „непогрѣшимый" Римъ, Луазонъ полемизируетъ съ нимъ и по вопросу о надеждахъ, которыя возлагалъ дьяковарскій епископъ на бюрократическую Россію. Позволительно, конечно, усомниться, чтобы Штроссмайеръ не учитывалъ возможности поступательнаго развитія русской государственной идеи. Соображенія свои Луазонъ дополняетъ, впрочемъ, оговоркою, что онъ самъ „любитъ и почитаетъ Россію".

А. Л—въ.

Вѣна,
въ маѣ 1905 г.



Внѣ бюрократической опеки.

(Съ 2 рис. на стр. 144.)

Кружокъ русскихъ женщинъ устроилъ лазаретъ для больныхъ и раненыхъ воиновъ (Архіерейская 3—33, уголъ Каменноостровскаго).

Приходилось мнѣ осматривать казенные госпитали, Краснаго Креста, частныя благотворительныя учрежденія этого рода, но нигдѣ не видѣлъ я того, какъ надо устроить такое важное патріотическое дѣло.

Вотъ, гдѣ можно видѣть, какъ дѣятельность города можетъ заслужить уваженіе деревни. Вотъ тотъ путь, которымъ наши интеллигентные классы могли бы пріобрѣсти себѣ довѣрія, и слова „баринъ" и „барыня" не стали бы-

для мужика ироническими и даже ругательными.

Просто и практично устроилъ дѣло помощи женскій умъ.

Домовладѣлица Корзинина дала квартиру.

Кружокъ оборудовалъ помѣщеніе: провелъ электричество, устроилъ всѣ удобства для лѣченія.

Я не спеціалистъ и судить о медицинской постановкѣ дѣла не берусь.

Но живой и веселый видъ многихъ больныхъ, которыхъ я видѣлъ сразу послѣ эвакуаціи,—говоритъ въ пользу хорошаго лѣченія.

И неудивительно

Приглашены различные врачи-спеціалисты.

Больные, 20 человѣкъ, размѣщены въ четырехъ свѣтлыхъ комнатахъ.

Обстановка напоминаетъ семейную. Если бы не костыли и кресла, совсѣмъ забылъ бы, что находишься въ больницѣ, гдѣ лежатъ тяжелые больные.

Все сдѣлано, чтобы скрасить эту тяжесть и въ физическомъ и нравственномъ смыслѣ.

Душа человѣка не забыта.

Больныхъ въ сопровожденіи сестры водятъ въ Ботаническій садъ. Легко-больные посѣщаютъ музеи и Зимній Дворецъ. Въ худую погоду дома развлеченій сколько угодно, различныя игры: домино, лото и др. Есть комната, гдѣ можно играть, не безпокоя сосѣда, на скрипкѣ и т. п. Библіотека съ русскими и польскими книгами.

На праздникъ были посланы семьямъ денежныя пособія. Кружокъ и тутъ организовалъ дѣло практично. Освѣдомился основательно о матеріальномъ положеніи семей призрѣваемыхъ. При выпискѣ раненые получаютъ одежду и пособіе.

Какъ себя чувствуютъ раненые,--лучше всего показываютъ слова пожилого мужика:

— Знать, дѣти наши замолили Бога, что мы сюда попали.

Массы пріятныхъ впечатлѣній не опишешь.

Тутъ нѣтъ показного дѣла или акробатства благотворенія.

Это я утверждаю на основаніи наблюденія.

Посѣщеніе возможно отъ 2—4 часовъ.

Кружокъ думаетъ открыть еще отдѣленіе.

Въ складѣ кружка (Херсонская 5/7, кв. 28) ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 1--4 ч. дня, происходитъ шитье одежды для солдатъ, выписывающихся изъ лазарета, и ихъ семей. Тамъ же принимаются пожертвованія матеріалами для изготовленія одежды и раздается работа на домъ.

Отъ посѣщенія у меня сохранилось самое лучшее воспоминаніе о добромъ и отзывчивомъ сердцѣ русской женщины и объ ея организаторскомъ талантѣ. *Ѳ. Шубинъ.*



Подъ скипетромъ султана.

Али-Нури.—Врагъ султана.—Кризисъ въ Іеменѣ.—Борьба за калифатъ.—Гамидъ-Эддинъ и Абдуль-Гамидъ.--Исторія калифата.—Претензіи Гамидъ-Эддина.—Мекка и Медина.—Правительственныя заботы султана.—Любовный романъ Абдулъ-Гамида.—Прекрасная Сафи-Назъ.—Повѣствованіе Али-Нури.—Подарокъ султану Абдуль-Азису.—Любовная интрига Абдулъ-Гамида.—„Смерть" Сафи Назъ.—Кадинъ-Эффенди.—Разводъ Сафи-Назъ.—Опроверженіе султана.

Извѣстный турецкій публицистъ, Али-Нури, издалъ недавно книгу о турецкихъ дѣлахъ, въ которой собралъ рядъ своихъ статей, разсѣянныхъ по газетамъ всего міра. Али-Нури—бывшій турецкій дипломатъ, одинъ изъ многочисленныхъ турокъ знатнаго происхожденія, принадлежащихъ къ числу враговъ царствующаго нынѣ султана Абдулъ-Гамида II. Турки эти блуждаютъ, въ качествѣ изгнанниковъ, по Европѣ и пользуются публицистикой для ознакомленія всего міра съ первопричинами разложенія оттоманской имперіи, обнаруживающагося съ каждымъ днемъ все яснѣе. Въ Турціи они извѣстны подъ именемъ младо-турокъ. Султанъ, которому они приписываютъ главную вину въ обрушившихся на имперію злополучіяхъ, ненавидитъ ихъ, какъ государственныхъ измѣнниковъ. Если судить по ихъ писаніямъ, ненависть эту нельзя не признать въ изрядной степени заслуженной. При всей своей односторонности, статьи младо-турокъ представляютъ, тѣмъ не менѣе, чрезвычайный интересъ. Али-Нури далъ уже европейской публикѣ немало доказательствъ, что ему самымъ основательнымъ образомъ знакомы всѣ условія жизни въ Константинополѣ,—условія, уподобляющіяся для чужеземцевъ таинственной книгѣ за семью печатями.

Одна изъ интереснѣйшихъ главъ въ его новой книгѣ „Подъ скипетромъ султана" затрогиваетъ вопросъ самой жгучей злободневности. Извѣстія изъ Іемена уже нѣсколько мѣсяцевъ волнуютъ политическій міръ. Турецкія войска сражаются тамъ съ возставшими противъ султанскаго владычества арабскими шейхами. Выражаясь совершенно точно, слѣдовало бы признать, что войска эти не сражаются, а избѣгаютъ вступать въ бой, вслѣдствіе чего способствуютъ распространенію возстанія.

Изъ Константинополя пытаются опровергать извѣстія объ успѣхахъ инсургентовъ. Въ дѣйствительности, однако, возстаніе въ Іеменѣ приняло размѣры весьма серьезнаго народнаго движенія, направленнаго противъ царствующаго султана.

Значеніе возстанія не ограничивается мѣстными интересами. Арабскіе шейхи хотятъ лишить султана главной основы его власти,—права на калифатъ, на наслѣдіе пророка, дающее ему господство надъ всѣмъ оттоманскимъ міромъ.

Али-Нури-бей отмѣчалъ уже въ концѣ 1903 года признаки обостренія этой достопримѣчательной борьбы, являющейся, быть можетъ, провозвѣстницей великихъ историческихъ событій. По мнѣнію Али-Нури-бея, начало открыто разгорѣвшаго нынѣ движенія относится приблизительно къ пятнадцати годамъ тому назадъ. Первымъ соперникомъ султану выступилъ шейхъ Гамидъ-Эддинъ, прямой потомокъ пророка.

Али-Нури приводитъ слѣдующія пояснительныя свѣдѣнія къ этой борьбѣ за калифатъ, имѣющей важное, хотя и косвенное, значеніе и для нашихъ русскихъ интересовъ. Когда Селимъ I завоевалъ въ 1517 г. Египетъ, онъ тотчасъ же присвоилъ себѣ знамя пророка („Санджакъ—и—Шерифъ), которое, считаясь священнѣйшимъ признакомъ калифскаго достоинства, перешло изъ рукъ Омайядовъ въ руки Абассидовъ и, наконецъ, было перевезено изъ Багдада въ Каиръ. Это произошло съ болѣе или менѣе добровольнаго согласія законныхъ владѣльцевъ, т. е. дѣйствительныхъ наслѣдниковъ пророка. Знамя его, въ настоящее время, хранится въ константинопольскомъ сералѣ.

Пока султанъ-калифъ располагалъ въ полномъ блескѣ своимъ могуществомъ и являлся сильнѣйшею опорою ислама, законные наслѣдники пророка не рѣшались предъявлять своихъ правъ и претензій на захваченныя у нихъ реликвія и преимущества. Лишь послѣ того, какъ на султанатъ въ Стамбулѣ обрушился непрерывный рядъ политическихъ злополучій, религіозные элементы, съ особеннымъ же рвеніемъ—арабскіе шейхи, стали серьезно подумывать, не пора-ли отдѣлить калифатъ отъ султаната и возвратить его въ свои руки. Движеніе, возникшее на почвѣ этого недовольства, приняло постепенно весьма значительные размѣры и, наконецъ, вступило въ открытую вооруженную борьбу съ султаномъ изъ-за права на аравійскій калифатъ,—Khilafat—i—Arabieh, какъ называютъ его сами арабы.

Большая часть арабскихъ племенъ готова поддержать претензіи Гамидъ-Эддина на аравійскій калифатъ. Онъ обосновываетъ свои домогательства на томъ обстоятельствѣ, что калифатъ, какъ и самъ коранъ, принадлежитъ арабамъ; предки его были насильственно вынуждены отказаться отъ своихъ правъ, перешедшихъ нынѣ къ Гамидъ-Эддину, какъ къ прямому потомку пророка.

Претендентъ на званіе калифа, само собой разумѣется, стремится завладѣть священными городами правовѣрныхъ, Меккою и Мединой. Али-Нури полагаетъ, что, если Гамидъ-Эддину удастся осуществить свой замыселъ, калифатъ окажется фактически утраченнымъ, а вмѣстѣ съ нимъ будетъ въ корнѣ и навсегда подорвана и духовная власть султана, какъ верховнаго главы всего магометанскаго міра.

Съ занятіемъ священныхъ городовъ, Гамидъ-Эддинъ не только завладѣетъ накопившимися тамъ издавна сокровищами и богатствами; отъ его воли будетъ зависѣть закрыть доступъ къ величайшимъ святынямъ магометанскаго міра многочисленнымъ караванамъ паломниковъ, въ случаѣ, если послѣдніе не пожелаютъ отпасть отъ султана и перейти на его сторону.

Какое вліяніе можетъ оказать подобный запретъ, ясно для всякаго, кто сколько-нибудь знакомъ съ религіозными понятіями правовѣрныхъ.

Опасность, угрожающая константинопольскому правительству, увеличивается тѣмъ, что къ Гамидъ-Эддину несомнѣнно поспѣшатъ примкнуть многіе уважаемые турецкіе сановники, которые весьма неосмотрительно были сосланы султаномъ именно въ Аравію.

Вообще, въ данный моментъ опасенія за калифатъ, несомнѣнно, должны чрезвычайно удручать султана Абдулъ-Гамида, и безъ того обремененнаго многочисленными правительственными осложненіями и заботами. Оттоманская имперія приведена въ глубокое разстройство одновременно обострившимся македонскимъ, албанскимъ и армянскимъ вопросами.

Али-Нури обрисовываетъ властителя, обитающаго въ Ильдизъ-Кіоскѣ, самыми непривлекательными красками. Этого, конечно, и слѣдовало ожидать отъ заклятаго врага султанскаго режима. Тѣмъ интереснѣе, однако, глава книги, въ которой Али-Нури разсказываетъ исторію „единственной и истинной любви" Абдулъ-Гамида. Эпизодъ этотъ, ниже излагаемый нами, даетъ любопытныя свѣдѣнія о романическихъ и супружескихъ отношеніяхъ въ турецкихъ высшихъ сферахъ. Отвѣтственность за достовѣрность повѣствуемаго, конечно, остается всецѣло на авторѣ разбираемой книги.

Предметъ „единственной истинной любви" Абдулъ-Гамида звали Сафи-Назъ. „Она,—разсказываетъ Али-Нури,—вмѣстѣ съ обѣими сестрами, Гильдизъ и Наджіэ, принадлежала, въ качествѣ невольницы, моему покойному тестю, тунисскому генералу Махмуду-пашѣ бенъ-Айаду, который при различныхъ обстоятельствахъ былъ чрезвычайнымъ посланникомъ въ Парижѣ. Паша оставилъ Наджіэ для себя, а обѣихъ остальныхъ сестеръ подарилъ

султану Абдулъ-Азису. Подобные „живые" подарки подносятся въ ореолѣ роскоши, соотвѣтствующей богатству подносящаго. Сафи-Назъ и Гильдизъ были разодѣты въ шелкъ и парчу, волоса ихъ были убраны діадемами, сверкавшими и игравшими драгоцѣнными камнями всѣхъ оттѣнковъ. Ихъ уши, пальцы, пояса были сплошь осыпаны бриліантами. Ослѣпительная красота невольницъ гармонировала съ ослѣпительнымъ блескомъ драгоцѣнностей. Я думаю, что, кромѣ Востока, врядъ-ли гдѣ-либо можно себѣ представить подобную расточительность. Обѣ молодыя дѣвушки были торжественно переданы евнухомъ моего тестя, въ сопровожденіи Гваридля-Ахмедъ-аги, служившаго позднѣе въ стамбульскомъ нотаріатѣ.

На Абдулъ-Азиса видъ обѣихъ прекрасныхъ невольницъ произвелъ такое впечатлѣніе, что онъ тотчасъ же спросилъ, чѣмъ можетъ отблагодарить за подношеніе. Султанъ пожаловалъ каждому изъ служителей по 500 турецкихъ фунтовъ (около 5,000 рублей) и подарилъ Махмуду-пашѣ, въ знакъ своей чрезвычайной благодарности, табакерку огромной цѣнности. Онъ отвелъ молодымъ дѣвушкамъ одно изъ красивѣйшихъ помѣщеній сераля и окружилъ ихъ многочисленнымъ штатомъ служительницъ. Этимъ не ограничились милости повелителя правовѣрныхъ. Онъ поручилъ ихъ особенному покровительству Валиде-султанши (матери султана) и, подъ вліяніемъ мгновенной причуды, заявилъ старшей изъ сестеръ, Сафи-Назъ, что онъ желаетъ сдѣлать ее своею женою. Однако, молодая дѣвушка, при всеобщемъ остолбенѣніи остальныхъ дамъ императорскаго гарема, проявила поразительную смѣлость: она дерзнула отклонить честь, оказанную ей падишахомъ! Я не знаю, съ какимъ чувствомъ принялъ этотъ отказъ султанъ; повидимому, однако, онъ не былъ расположенъ придать трагическій оборотъ неожиданному осложненію, такъ какъ вскорѣ послѣ того взялъ себѣ въ жены Гильдизъ, а позднѣе возвелъ ее въ санъ казнадарусты, т. е. сокровищехранительницы императорскаго гарема, надзору которой подчиненъ весь персоналъ сераля.

Если бы Абдулъ-Азисъ пожелалъ изслѣдовать происшествіе, онъ легко обнаружилъ бы, что за его спиною завязался романъ между Сафи-Назъ и Абдулъ-Гамидомъ. Послѣдній, по своей привычкѣ прокрадываться всюду, все осматривая и ко всему прислушиваясь, выискалъ Сафи-Назъ и до безумія влюбился въ нее. Онъ всюду преслѣдовалъ ее, устраивалъ свиданія съ нею, расточалъ передъ нею пламенныя признанія. Сначала его поневолѣ платоническое ухаживаніе за Сафи-Назъ сохранялось въ тайнѣ. Я называю его „платоническимъ поневолѣ", потому что юная невольница была обречена не принадлежать никому, кромѣ своего владѣльца, Абдулъ-Азиса. Племянникъ послѣдняго, рѣшившій во что бы то ни стало добиться обладанія ею, сдѣлалъ повѣренною своихъ чувствъ валидэ-султаншу, краснорѣчиво описалъ ей свои страданія и поклялся, что не можетъ жить безъ „божественной" избранницы своего сердца. Валидэ-султанша, благоволившая къ Абдулъ-Гамиду, обѣщала помочь ему, и придумала слѣдующій планъ. Она сообщила однажды султану Абдулъ-Азису, что Сафи-Назъ опасно заболѣла; султанъ разрѣшилъ отправить больную, для перемѣны воздуха, на дачу. Время отъ времени султанша-мать сообщала сыну о состояніи здоровья невольницы; когда же, по ея мнѣнію, онъ почти забылъ о Сафи-Назъ, она извѣстила его объ ея кончинѣ.

Быть можетъ, падишахъ повѣрилъ этому. Во всякомъ случаѣ, онъ не сдѣлалъ никакого распоряженія изслѣдовать происшедшее. Абдулъ-Гамидъ женился на обворожительной невольницѣ. Онъ не могъ поступить иначе. Чтобы обладать ею, не вступая въ бракъ, Абдулъ-Гамидъ долженъ былъ или получить ее въ даръ отъ своего дяди, или выкупить ее у него. Съ турецкой точки зрѣнія, отважиться на подобное предложеніе его величеству—было бы безуміемъ. Само собой разумѣется, до вступленія на престолъ Абдулъ-Гамида, бракъ его оставался тайнымъ. Затѣмъ она была возведена въ санъ кадинъ-эффенди, т. е. законной жены султана. Въ данномъ случаѣ, Сафи-Назъ пріобрѣла право на это званіе именно вслѣдствіе особенныхъ условій, при которыхъ состоялся ея бракъ; вообще же невольницы могутъ быть возведены въ санъ законной жены султана лишь по особому его соизволенію, если у нихъ родится ребенокъ мужескаго пола.

Позднѣе, добровольно заключившійся въ Ильдизъ-кіоскѣ султанъ, въ минуту откровенности, сказалъ одному изъ преданныхъ евнуховъ, что Сафи-Назъ—единственная изъ женъ, которую онъ когда-либо любилъ; она въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ скрашивала и облегчала ему печально сложившуюся жизнь. Тѣмъ не менѣе, Сафи-Назъ пришлось невыразимо страдать отъ тяжелыхъ обидъ, которыми удручали излюбленную кадинъ-эффенди остальныя женщины гарема, ослѣпленныя завистью и злобой. Не выдержавъ постоянныхъ преслѣдованій и клеветъ со стороны ополчившихся на кроткую женщину гаремныхъ гіенъ, Сафи-Назъ рѣшилась уступить имъ свое мѣсто. Онѣ подожгли часть гарема и обвинили въ злодѣяніи неповинную Сафи-Назъ. Тогда она обратилась къ султану съ просьбою дать ей разводъ; Абдулъ-Гамидъ согласился весьма неохотно,—лишь ради того, чтобы водворить спокойствіе въ своемъ гаремѣ. Онъ былъ крайне огорченъ, или, по меньшей мѣрѣ, имѣлъ такой видъ, какъ будто онъ крайне огорченъ.

Своей разведенной женѣ Абдулъ-Гамидъ подарилъ большой участокъ земли въ Стамбулѣ и назначилъ ей пожизненную пенсію въ 60 турецкихъ фунтовъ (около 500 р.) ежемѣсячно. Нельзя сказать, чтобы пенсія была назначена очень щедро; скаредность вознагражденія должна была тѣмъ болѣе огорчить Сафи-Назъ, что султанъ заставилъ ее содержать свиту невольницъ, отпущенныхъ, въ видѣ весьма сомнительной милости, вмѣстѣ съ нею изъ дворца.

Нѣсколько времени спустя, Абдулъ-Гамидъ выдалъ свою возлюбленную Сафи-Назъ вторично замужъ за Савфетъ-бея, помощника начальника императорскаго гардероба. Когда ея конакъ въ Стамбулѣ былъ уничтоженъ пожаромъ, султанъ приказалъ выстроить для нея кіоскъ въ Джамлиджѣ, напротивъ дворца своей сестры, Сенибэ-султанъ, жены умершаго въ изгнаніи Махмуда Дамадъ-паши, того самаго, который бѣжалъ, вмѣстѣ съ двумя своими сыновьями, изъ Константинополя и печаталъ за границею весьма рѣзкія статьи противъ своего шурина, Абдулъ-Гамида.

Единственная искренняя любовь Абдулъ-Гамида продолжалась до 1884 г.: если онъ и отрекся отъ Сафи-Назъ, по слабости своего характера, тѣмъ не менѣе, утрату эту перенесъ не безъ тяжелаго душевнаго удрученія".

Али-Нури утверждаетъ, что романическія отношенія Абдулъ-Гамида и прекрасной Сафи-Назъ, такъ близко напоминающія гаремныя любовныя исторіи Шехеразы, разсказаны имъ согласно съ несомнѣнной дѣйствительностью. Онъ разсчитывалъ, очевидно, что романъ султана поразитъ воображеніе европейцевъ, плохо ознакомленныхъ съ обычаями Востока. Въ дѣйствительности, однако, въ этой исторіи нѣтъ ничего необычайнаго.

Явнымъ недоброжелательствомъ къ султану дышатъ и предсказанія Али-Нури относительно его недолговѣчности. Турецкій публицистъ изображалъ Абдуръ-Гамида тяжело больнымъ, между тѣмъ, падишахъ здравствуетъ и понынѣ. Турецкія „опроверженія" пользуются нелестною извѣстностью, но то опроверженіе, которое далъ предвѣщаніямъ Али-Нури его коронованный противникъ своею собственною особой, не можетъ быть заподозрѣно въ своей достовѣрности—даже самымъ придирчивымъ критикомъ.

Константинополь,
въ маѣ 1905 г.

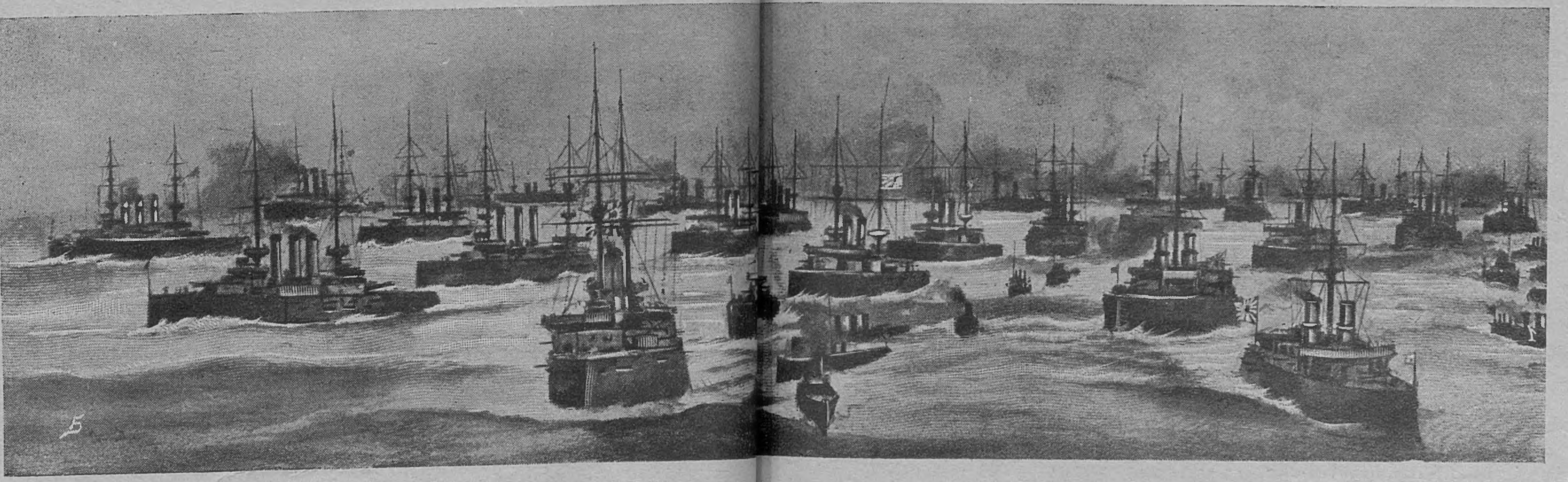
Л. С.

„Свѣтлана". „Суворовъ". „О „Олегъ". „Ушаковъ". „Владиміръ
„Изумрудъ". „Сенявинъ". „Жемчугъ". „Нахимовъ". Мономахъ".

„Аврора". „Ослябя". „Александръ III". „Бородино". „Н". „Наваринъ". „Сисой Великій". „Дмитрій Донской"

Эскадра адмираственскаго.

„Итсукушима". „Идзуми".
„Якума". „Токива". „Шинхенъ". „Шитозе". Касаги". „Нанива". „Хашидате". „Матсушима". „Аритсушима".



„Ивате". „Шикишима". „Идзумо". „Асахи". „Азама". „Яшима". „Фуджи". „Такасаго". „Касуга". „Ниссинъ". „Сума".

Эдмирала Того.

Къ морскому бо Корейскомъ проливѣ.

Тайна успѣха.

Гипнозъ заглавія.—Тезисы профессора карьеризма.—Гипнозъ въ физіологіи.—Развитіе глубокаго дыханія.—Сила центральнаго взора.

Борьба за существованіе обостряется все больше и больше. Трудныя условія жизни распаляютъ стремленіе къ быстрымъ успѣхамъ. Этимъ обстоятельствомъ пользуются разные шарлатаны, выпускающіе на всемірный рынокъ разныя руководства и сборники тайныхъ пріемовъ, которыми соблазняютъ легковѣрную молодежь, жаждущую скораго и легкаго житейскаго успѣха.

За послѣднее время къ этой цѣли стали приспособлять мало изслѣдованныя явленія психической жизни, вродѣ гипноза, магнетическаго внушенія, чтенія мыслей, передачи ихъ на разстояніи и т. п. Возникла цѣлая спекулятивная литература, нерѣдко представляющая интересъ лишь въ качествѣ современнаго курьеза.

Весьма характерный образчикъ такого сочинительства выпущенъ недавно одною страссбургскою книгоиздательскою фирмой. Обложка книги украшена портретомъ автора Лео Эриксена; это—молодой человѣкъ, довольно пріятной наружности, изображенный со взоромъ, пристально устремленнымъ на зрителя. Взоръ этотъ, повидимому, расчитанъ на то, чтобы внушить всякому, увидавшему книгу въ витринѣ книжной лавки, „непреодолимое" желаніе немедленно пріобрѣсти заманчивое руководство къ житейскому успѣху.

Эту же цѣль, очевидно, имѣетъ въ виду и многообѣщающій заголовокъ: „На границахъ сверхчувственнаго.--Наша душевная жизнь.--Гипнотизмъ.—Внушеніе.—Телепатія.—*Личное вліяніе.—Новый путь къ успѣху!*" Читатель, конечно, устремитъ все свое вниманіе на средства, рекомендуемыя авторомъ для достиженія въ жизни сказочныхъ успѣховъ, бѣгло пробѣжавъ компиляцію о гипнотизмѣ и телепатіи.

Новоявленный профессоръ житейскаго карьеризма ставитъ въ началѣ своего „изслѣдованія" краткіе тезисы, подлежащіе далѣе весьма распространенному истолкованію. Тезисы эти сводятся къ предписаніямъ болѣе или менѣе прописного свойства: „Оберегайте себя сами; развивайте въ себѣ сознаніе собственнаго достоинства; половина успѣха зависитъ отъ увѣренности въ успѣхѣ; умѣйте молчать; учитесь самообладанію"—и т. п.

Однимъ изъ лучшихъ средствъ къ самообузданію г. Отто Эриксенъ считаетъ воздержаніе отъ удовлетворенія своихъ желаній, хотя-бы они раздѣлялись женщиной, возбудившею ихъ. Къ сожалѣнію, авторъ описываетъ опыты подобнаго самообученія слишкомъ картинно, внушая какъ нельзя болѣе обоснованное подозрѣніе, что имъ руководили самыя заурядныя порнографическія побужденія.

Дальнѣйшимъ средствомъ къ самоусовершенствованію Отто Эриксенъ признаетъ старанія, направленныя „къ развитію лѣвой части тѣла". Въ этомъ онъ сходится съ преподавателями фортепіанной игры, также добивающимися уравнять бѣглость пальцевъ и силу обѣихъ рукъ. Вслѣдствіе того, что правая часть тѣла, обыкновенно, развита больше, чѣмъ лѣвая, и соотвѣтствующая ей лѣвая сторона головного мозга развивается слабѣе правой. Добившись уравненія въ развитіи лѣвой части организма съ правою, человѣкъ можетъ достигнуть и равномѣрнаго развитія обоихъ полушарій головного мозга. Геніальность Венцеля Эриксенъ объясняетъ тѣмъ, что знаменитый живописецъ упражнялъ одинаково старательно обѣ руки, повысивъ, такимъ образомъ, способности всего своего мозга. При сильномъ желаніи „загребать блага міра обѣими руками", достаточно упражненіе втеченіе нѣсколькихъ недѣль, чтобы добиться ощутительныхъ результатовъ.

Послѣ того, какъ послушный ученикъ пріучился къ платонизму и развилъ лѣвую сторону тѣла, Отто Эриксенъ, все таки, еще не считаетъ его созрѣвшимъ для успѣха. Онъ

сейчасъ же выдвигаетъ новое чудодѣйственное средство: „Овладѣйте техникою своего дыханія!“

„Систематическое, углубленное дыханіе“ необходимо для достиженія всякихъ земныхъ благъ по методѣ Эриксена. Изъ пріученія себя къ такому дыханію долженствуютъ воспослѣдовать двоякаго рода преимущества—физіологическія и душевныя. При глубокомъ вдыханіи воздуха, кровь обогатится значительнымъ количествомъ кислорода, который иначе не проникъ бы въ нее. Между тѣмъ кислородъ, какъ извѣстно, способствуетъ внутреннему перегоранію отжившихъ и потому вредныхъ тканей. Глубокое дыханіе очищаетъ кровь, усиливаетъ жизнедѣятельность всего организма, повышаетъ здоровое самочувствіе, устраняя, вмѣстѣ съ тѣмъ, многія изъ зловредныхъ послѣдствій обычнаго образа жизни въ большихъ населенныхъ центрахъ. Въ видѣ иллюстраціи къ своему положенію Эриксенъ приводитъ ссылку на долговѣчность, крѣпкое здоровье и свѣжесть цвѣта лица у нѣмецкихъ актрисъ, вырабатывающихъ свое дыханіе, благодаря условіямъ своей профессіи. Еще большую пользу обѣщаетъ авторъ въ психологическомъ отношеніи. Само собой разумѣется, что человѣкъ, который постоянно озабоченъ тѣмъ, чтобы вдыхать воздухъ какъ можно глубже, не поддаваться никакимъ внезапнымъ аффектамъ, вмѣсто того, чтобы разразиться какою-либо необдуманною вспышкой, сосредоточится въ наблюденіи за дѣятельностью своихъ легкихъ. Мгновенная отзывчивость постепенно устранится изъ его обыденнаго репертуара; практическая приспособляемость повысится,—конечно, добавимъ отъ себя, не безъ существеннаго ущерба для самыхъ благородныхъ и искреннихъ душевныхъ побужденій.

Методъ выработки изъ себя глубоко-дышащаго манекена распредѣленъ авторомъ понедѣльно. Въ теченіе первой недѣли упражненія производятся лишь вечеромъ и утромъ, въ постели, непремѣнно въ легкомъ одѣяніи и горизонтально. Въ продолженіе второй недѣли, къ усубленнымъ упражненіямъ въ прежнемъ родѣ, присоединяется неукоснительное наблюденіе за тѣмъ, чтобы произнесеніе какихъ-либо словъ не совпадало со вдыханіемъ въ себя воздуха. „Девяносто человѣкъ изъ ста,—патетически восклицаетъ Эриксенъ,—не соблюдаютъ правила говорить лишь при выдыханіи воздуха. Они говорятъ во время вдыханія его!“ Режимъ осложняется далѣе опытами глубокаго дыханія при писаніи и производствѣ гимнастическихъ пріемовъ. На третьей недѣлѣ пора уже приступить къ „высшей школѣ“ дыханія. Послѣдователь Эриксена понемногу пріучается задерживать дыханіе. Подышавъ безпрепятственно восемь секундъ, надо отъ двѣнадцати до двадцати секундъ воздерживаться отъ вдыханія воздуха.

Лицамъ полнокровнымъ не мѣшаетъ соблюдать нѣкоторую осторожность при подобныхъ опытахъ.

Послѣ тренировки дыханія, кандидату на умопомрачительную карьеру вмѣняется въ обязанность „никогда не упускать благопріятнаго случая и всегда стараться избѣгнуть неблагопріятнаго стеченія обстоятельствъ“. Козьма Прутковъ гораздо лучше выразилъ ту же мысль въ знаменитомъ афоризмѣ: „лови моментъ!“ Вся трудность сводится лишь къ тому, чтобы, въ самомъ дѣлѣ, изловить его.

„Карьеристика“ Отто Эриксена завершается ученіемъ „о центральномъ взорѣ“. Человѣческій глазъ обладаетъ особенною психическою силой. Всѣ народы, съ незапамятныхъ временъ, твердо вѣрятъ въ воздѣйствіе „дурного глаза“. Вѣра эта всюду совмѣщается съ вѣрою въ силу „легкой“ или „тяжелой“ руки.

Люди говорятъ взоромъ, повелѣваютъ, выражаютъ всякаго рода душевныя эмоціи. Даже на разстояніи глаза не утрачиваютъ присущей имъ способности передавать личную волю.

Для того, чтобы пользоваться силою своего взора, какъ послушнымъ орудіемъ въ житейской борьбѣ, надо, во-первыхъ, усилить свое зрѣніе. Эриксенъ взялъ на это спеціальную привилегію. Слѣдующій совѣтъ его—прикладывать къ глазу на болѣе продолжительное время ледъ, обернутый въ полотно, врядъ-ли долженъ быть примѣняемъ безъ контроля окулиста.

Впрочемъ, и самъ Эриксенъ считаетъ болѣе важнымъ отучить глазъ отъ частаго морганія. Читать или писать слѣдуетъ на разстояніи не менѣе, чѣмъ 25—30 сантиметровъ. Не мѣшаетъ возможно долѣе фиксировать взоромъ какую-нибудь далеко отстоящую точку. При утомленіи глаза, надо дѣлать прохладительную примочку.

Далѣе Эриксенъ рекомендуетъ упражняться передъ зеркаломъ, всматриваясь въ свои собственные глаза.

Кокетливымъ дамамъ издавна извѣстна польза такого изученія. Но Эриксенъ требуетъ, чтобы всматривающійся не моргалъ вѣками.

Спустя недѣлю, предметъ разсматриванія мѣняютъ. Надо начертить себѣ мѣломъ крестикъ надъ переносицей, и не сводить глазъ съ отражающагося въ зеркалѣ символическаго знака. Виртуозы метода доходятъ до трехъ минутъ созерцанія безъ миганія глазомъ.

Закаливъ такими упражненіями свой взоръ, пользуйтесь имъ, смотря не въ глаза собесѣднику, а между глазами, надъ переносицей. Сила внушенія окажется, какъ увѣряетъ Отто Эриксенъ, поразительной,—надо только уставиться, не моргая, въ одну точку. Такого рода „центральный взоръ“ какъ бы сверлитъ человѣка, проникая до глубины его души. Авторъ серьезно увѣряетъ легковѣрныхъ читателей, что въ житейской борьбѣ такое невещественное оружіе можетъ оказаться весьма могущественнымъ „на пути къ достиженію всякаго рода успѣховъ!“

Не мѣшаетъ, однако, приготовиться и къ возможнымъ непріятнымъ послѣдствіямъ „методы“. Нервный собесѣдникъ легко можетъ нарушить воздѣйствіе „центральнаго взора“, пустивъ въ ходъ менѣе изощренные, но, увы, не менѣе дѣйствительные пріемы самообороны! Что изъ этого выйдетъ, предоставляемъ судить свободному воображенію читателя.

* * *



„Потерянный и возвращенный пейзажистъ“.

(У профессора Юлія Клевера).

... Хотя съ Клеверомъ я не былъ знакомъ раньше, но встрѣтилъ онъ меня нарадушнѣйшимъ образомъ.

— Вѣрите, я такъ радъ русскому человѣку!

Онъ закидалъ меня цѣлымъ каскадомъ вопросовъ...

— Ну, что въ Россіи?

— Скверно...

— Что въ академіи?

— Еще хуже...

Клеверъ поморщился:

— Значитъ, совсѣмъ плохо...

Клеверу за пятьдесятъ. Моложавый, подвижной. Пепельно-сѣдая коротко остриженная голова. Крохотные черные усики. Ни минуты не сидитъ на мѣстѣ.

Любопытна и поучительна судьба этого художника. Талантомъ надѣлила его природа громаднымъ. Одинъ изъ сильнѣйшихъ пейзажистовъ Европы. Лѣтъ двадцать—пятнадцать назадъ онъ былъ въ страшной модѣ и зарабатывалъ въ годъ около шестидесяти тысячъ. Съ необычайной легкостью давались ему его зимніе закаты и ночи.

Русскимъ художникомъ Клеверъ никогда не былъ. Въ его рогатыхъ деревьяхъ и кровавыхъ лунахъ и солнцахъ угадывалось настроеніе нѣмецкихъ балладъ. Но заслуги его въ пейзажѣ, вообще, велики. Онъ внесъ свою клеверовскую технику, свой мазокъ, свою фактуру.

Я сдѣлаю оговорку: я буду говорить о Клеверѣ съ большей откровенностью, чѣмъ это принято по отношенію къ живымъ людямъ. Но, во-первыхъ, это необходимо въ видахъ выясненія его творческой физіономіи, а во-вторыхъ, самъ Клеверъ мнѣ разрѣшилъ писать откровенно.

— Пусть это будетъ моей исповѣдью,—сказалъ онъ.

Клеверъ любилъ искусство. Но еще больше онъ любилъ жизнь, — бурную, чувственную. Любилъ карты, кутежи, любилъ женщинъ. Съ бѣшеной расточительностью швырялъ онъ деньги направо и налѣво. Десятки тысячъ годового дохода низвергались въ Данаидову бочку.

Онъ сталъ небрежно и на-спѣхъ работать. Сталъ брать художниковъ „со стороны“, чтобъ тѣ писали ему подмалевки. Клеверъ кое-какъ проходилъ эти подмалевки и сдавалъ ихъ заказчикамъ. Ему работали Писемскій, Ризниченко и другіе. Картинный рынокъ буквально наводнился Клеверомъ. Не было ни одного ресторана, ни одной дост точной мѣщанской семьи, гдѣ бы вы не встрѣтили Клевера. Десятки и сотни разъ „перепѣвалъ“ онъ одни и тѣ же мотивы. Бросилъ учиться, штудировать натуру. Это была какая-то вакханалія безшабашной „отсебятины“.

Повсюду кричали:

— Нѣтъ больше Клевера! Исписался, размѣнялся, сошелъ на нѣтъ!

Было жаль смотрѣть, какъ гибнетъ богатое, крупное дарованіе.

Въ одинъ дѣйствительно прекрасный для него день—Клеверъ исчезъ съ петербургскаго горизонта. Стали забываться анекдоты о его кутежахъ и „артельномъ началѣ“ писанія картинъ.

Доносились какіе-то смутные слухи: Клеверъ живетъ въ Витебской губерніи, серьезно работаетъ, возрождается... Потомъ и эти слухи затихли. Концы въ воду... Клеверъ сдѣлался какимъ-то легендарнымъ существомъ. Ни слуху, ни духу.

И вотъ—окунувшись гдѣ-то въ убогихъ бѣлорусскихъ пескахъ—онъ вынырнулъ уже... въ Берлинѣ.

— Я не уѣду отсюда—говоритъ художникъ—до тѣхъ поръ, пока мнѣ не дадутъ здѣсь большой золотой медали. Малую я уже получилъ—теперь очередь за большой.

И навѣрное получитъ. Такой талантъ, да чтобъ не получилъ.

На мольбертахъ—нѣсколько почти законченныхъ картинъ.

Прежняго Клевера съ его традиціонными рогатыми деревьями, кровавыми лунами и солнцами—нѣтъ и въ поминѣ. Новые мотивы, новая палитра. Превосходно наблюденные и тщательно написанные марины, солнечные

дни безъ „солнца“, но съ яркимъ его свѣтомъ на травѣ и деревьяхъ.

Громадная заслуга—на шестомъ десяткѣ лѣтъ, когда у художника все лучшее и молодое въ прошломъ—возродиться вдругъ съ такой свѣжестью и силой.

Я не выдержалъ:

— А помните, Юлій Юльевичъ, какъ вамъ „заготовляли“ холсты Писемскій и Ризниченко?

Клеверъ отмахнулся:

— И вспоминать не хочу! Стыдно! Вотъ это гдѣ у меня сидитъ! Теперь—я на пистолетный выстрѣлъ не подпускаю никого къ своимъ картинамъ.

Но какъ ни возродился Клеверъ въ смыслѣ художника и человѣка,—все же среди чопорныхъ нѣмецкихъ профессоровъ, умѣренныхъ и аккуратныхъ, въ общество которыхъ забросила его судьба, онъ—экспансивный, щедрая, артистическая широкая душа,—долженъ казаться здѣсь какимъ-то enfant terrible'емъ Его „чаи“—консьержу, почтальонамъ —должны приводить нѣмцевъ въ ужасъ.

Я это высказалъ.

Клеверъ усмѣхнулся.

— Еще бы... Разъ на-дняхъ я былъ съ однимъ товарищемъ въ итальянскомъ кафэ-шантанѣ. Входитъ съ тарелочкой,—положилъ три марки. Ничего особеннаго... Въ Петербургѣ приходилось швырять цыганамъ радужныя. Но надо было видѣть гнѣвъ моего товарища. Чуть не разругался со мной. „Безумецъ“—кричитъ—„расточитель“! Еще бы! Онъ положилъ всего десять пфениговъ!

Одна картина Клевера привлекла мое особенное вниманіе. Это—лѣсъ призраковъ. Деревья—женщины, длинныя, обнаженныя, тянущіяся обнять своими руками густѣющій сумракъ фантастическаго вечера. Красивый мотивъ!

Клеверъ метнулся куда-то въ сторону и выхватилъ фотографическій снимокъ.

— Смотрите! Я нарочно снялъ этотъ уголокъ лѣса. Это подъ Мекленбургомъ. И на самомъ дѣлѣ—деревья странной формы.

Совсѣмъ человѣческія фигуры... И нигдѣ никогда, кромѣ Мекленбурга, я не встрѣчалъ такихъ деревьевъ.

— Для полноты призрачнаго впечатлѣнія сюда бы хорошо фигуру одинокаго, заблудившагося коннаго рыцаря,—взялъ я на себя смѣлость посовѣтовать.

— Вотъ, вотъ,—подхватилъ Клеверъ,—я чувствовалъ, чего-то недостаетъ. Именно, рыцаря,—тогда совсѣмъ— баллада...

Погодя—коснулись Менцеля.

— Ахъ, надо было видѣть его вмѣстѣ съ Мейсонье! Я имѣлъ это удовольствіе, когда устраивалъ въ Амстердамѣ на всемірной выставкѣ русскій отдѣлъ. Къ сожалѣнію,—Россія Менцеля оцѣнила только въ послѣднее время. Когда 15 лѣтъ назадъ я предложилъ Исѣеву избрать Менцеля въ почетные члены академіи,—онъ возразилъ:

„Ну, будетъ съ него и почетнаго вольнаго общника“.

А что такое почетный вольный общникъ! Человѣкъ, имѣющій право разъ въ годъ, 4-го ноября, въ день акта, надѣть мундиръ и помолчать за столомъ... Да, чтобъ не забыть—это интересно. Въ Амстердамѣ, благодаря моимъ хлопотамъ, первую награду получила картина Константина Маковскаго „Боярскій пиръ“. Въ отдѣльный залъ, гдѣ она была выставлена, вошелъ, опираясь на палку, Мейсонье. Сталъ—смотритъ, смотритъ, оглянулся—никого нѣтъ. А я притаился въ темномъ углу... Мейсонье выразительно сплюнулъ и сердито заковылялъ прочь, опираясь на палку... Конечно, ему не могла понравиться картина, несмотря на ея блескъ... Ему, который такъ фанатически придерживается въ своихъ работахъ исторіи. Ни одной пуговочки, ни одного ремешка отъ себя...

Перешли къ петербургскимъ воспоминаніямъ, центромъ которыхъ была академія.

— Никогда не прощу Якобію,—заволновался Клеверъ,—это онъ погубилъ старую академію. Онъ заварилъ всю кашу, которую пришлось намъ расхлебывать... Я его вызывалъ на дуэль, но онъ струсилъ и отказался...

— Вы когда уѣзжаете?

— Думаю послѣ завтра.

На утро я осмотрѣлъ выставку. На-дняхъ сообщу свои впечатлѣнія. Уже изъ Дюссельдорфа.

Н. Брешко-Брешковскій.



Русская придворная жизнь сто лѣтъ тому назадъ.

Бытъ дворянства.—Крѣпостные.—Парикъ.—Великая тайна.—Цесаревичъ Павелъ Петровичъ.

Англійская писательница, мистриссъ Colquhoun Grant, издала книгу подъ заманчивымъ заглавіемъ „Мать двухъ царей“, посвященную жизнеописанію императрицы Маріи Ѳеодоровны. Супруга императора Павла I, мать императоровъ Александра I и Николая I, императрица Марія Ѳеодоровна, оказала огромное вліяніе на историческія событія въ началѣ XIX вѣка. До супружества она носила имена Софіи-Доротеи и была виртембергскою принцессою изъ линіи, имѣвшей резиденцію въ Мемпельгардѣ.

Англійской писательницѣ не удалось придать психологической глубины характеристикѣ ея царственной героини. Біографическій матеріалъ использованъ ею весьма поверхностно и ограничивается уже извѣстными данными.

Нѣсколько занятнѣе все, что разсказываетъ она о томъ, какъ жили наши предки въ Петербургѣ около столѣтія тому назадъ.

Петербургъ считался въ то время однимъ изъ красивѣйшихъ городовъ въ мірѣ. Иностранцы, пріѣзжавшіе въ „Сѣверную Пальмиру“, поражались честностью даже бѣднѣйшихъ классовъ населенія. Знатнѣйшія дамы оставляли на столахъ незапертыми самыя дорогія украшенія. Не было случая, чтобы кто-либо изъ крѣпостныхъ слугъ соблазнился этими драгоцѣнностями. Англійская писательница, со свойственнымъ ея соотечественницамъ недружелюбіемъ къ русскому народу, приводитъ курьезную догадку, будто крѣпостныхъ удерживалъ отъ воровства суевѣрный страхъ передъ иконами, висѣвшими въ каждой изъ комнатъ.

Столь-же основательны соображенія мистриссъ Грантъ относительно самочувствія крѣпостныхъ, будто бы вовсе не сознававшихъ бѣдственности своего положенія. Описывая обращеніе дворянства съ дворовыми, она приводитъ, какъ образецъ жестокости, обыкновеніе многихъ дамъ укладывать своихъ горничныхъ на полъ, возлѣ своей кровати, чтобы имѣть ихъ подъ рукою, если понадобится, даже ночью. Столь-же характернымъ считаетъ она, повидимому, нелѣпый анекдотъ, будто одна знатная дама того времени держала своего крѣпостного парикмахера въ темной клѣткѣ, и не выпускала его изъ своей спальни ни днемъ, ни ночью. Парикмахеръ прожилъ въ клѣткѣ три года, выходя изъ своего заключенія лишь на короткое время, для причесыванія своей барыни. Уѣзжая куда-нибудь, она брала съ собою клѣтку съ парикмахеромъ, въ видѣ поклажи. Курьезная тайна, по мнѣнію мистриссъ Грантъ, объяснялась кокетливостью дамы, не желавшей, чтобы кто нибудь узналъ отъ куафера, что она носитъ парикъ.

Глубоко поражаетъ англійскую фельетонистку расточительность нашей тогдашней знати. Предѣломъ „баснословнаго русскаго хлѣбосольства“ она считаетъ открытый домъ оберъ-шталмейстера Нарышкина, гдѣ ежедневно накрывался обѣденный столъ на 30 кувертовъ! Фейерверки графа Строганова, устраиваемые имъ въ паркѣ, при дачѣ въ нынѣшней Новой Деревнѣ, кажутся ей также образцомъ сказочнаго великолѣпія. Сравнительно съ шумною жизнью петербургской знати, цесаревичъ Павелъ Петровичъ, великая княгиня Марія Ѳеодоровна и ихъ дѣти вели въ Гатчинѣ весьма скромный образъ жизни.

Въ такомъ же духѣ написана вся книга,—любопытный образчикъ англійской дамской болтовни на совершенно незнакомыя автору темы. Удивительно-ли, что англичане до сихъ поръ не имѣютъ сколько-нибудь правильнаго представленія о нашей странѣ и нашемъ народѣ, — если посвящать ихъ по этому вопросу берутся люди, сами не имѣющіе никакого понятія о трактуемомъ предметѣ?

Предсмертныя паломничества.

Среди благочестивыхъ евреевъ весьма распространено вѣрованіе, что умирающему въ Палестинѣ легче попасть въ рай, чѣмъ похороненному въ какой-либо другой странѣ. Но ближе всего къ небу—отъ Іерусалима. Народное вѣрованіе это показываетъ, какъ неизгладима, несмотря на тысячелѣтіе изгнаніе, духовная связь еврейскаго народа съ его исторической родиной.

Ежегодно многія сотни еврейскихъ старухъ, проживших шестой десятокъ, разстаются навсегда со своею семьей, родственниками и друзьями и направляются въ Іерусалимъ, чтобы дождаться тамъ дня радостной для нихъ кончины. Большая часть этихъ паломницъ располагаетъ весьма скудными средствами. Проживая 25—30 франковъ въ мѣсяцъ, старухи принуждены переносить всевозможныя лишенія, такъ какъ изъ этихъ же денегъ имъ приходится скопить отъ 50 до 150 франковъ для покупки мѣста на кладбищѣ. Вся жизнь ихъ, съ момента прибытія въ Іерусалимъ, направляется къ достиженію этой единственной цѣли. Трудно себѣ представить, какія усилія прилагаются ими, чтобы осуществить предсмертное желаніе, и какія нравственныя муки испытываютъ онѣ, постоянно опасаясь, что смерть застанетъ ихъ ранѣе, чѣмъ сбереженія достигнутъ необходимой суммы. Зато, когда мѣсто на кладбищѣ уже пріобрѣтено, старуха всецѣло предается молитвенному экстазу и, такъ сказать, предвкушенію райскаго блаженства. На купленномъ участкѣ для нея немедленно роютъ могилу. Паломница, въ сопровожденіи пріятельницъ и сосѣдокъ, торжественно напраляется къ мѣсту своего будущаго успокоенія. Къ процессіи присоединяется раввинъ, чтобы освятить могилу установленными молитвами. Придя на кладбище, сопутствующія старухи становятся вокругъ свѣжевырытой могилы, а владѣтельница послѣдней спускается въ нее и, распростершись на землѣ, произноситъ, вслѣдъ за подсказывающимъ слова раввиномъ, краткую молитву.

Патетически - трогательная сцена освященія такой могилы не вдохновила ни одного живописца. Для картинъ на

подобныя темы, обыкновенно, предпочитают евреевъ, молящихся у, такъ называемой, Соломоновой стѣны, возлѣ мечети Омара. Между тѣмъ, правдивое изображенiе престарѣлыхъ паломницъ, привѣтствующихъ грядущую жизнь на порогѣ смерти, не могло бы не произвести глубочайшаго впечатлѣнiя. Удивительно, что даже Пьеръ Лоти, столь любящiй необычайныя живописныя зрѣлища, ничего не упомянулъ о подобной церемонiи въ своей „декоративно" написанной книгѣ объ Iерусалимѣ.



Раненые за обѣдомъ въ лазаретѣ кружка русскихъ женщинъ.

Покончивъ съ прiобрѣтенiемъ могилы, еврейской паломницѣ остается еще подыскать кого-нибудь для произнесенiя поминальной молитвы въ будущiя годовщины ожидаемой смерти. Для этой цѣли обыкновенно, усыновляютъ лицо, которое является наслѣдователемъ всего остающагося послѣ паломницы скромнаго имущества. Усыновленный обязанъ ежегодно, въ день смерти прiемной матери, произносить надъ ея могилою такъ называемый „кадишъ".

Бѣдные раввины въ Iерусалимѣ имѣютъ зачастую многихъ такихъ прiемныхъ матерей и, къ чести ихъ, слѣдуетъ признать, весьма добросовѣстно выполняютъ принятыя на себя несложныя сыновнiя обязанности.

Тому, кто, какъ пишущiй эти строки, лично побывалъ въ Iерусалимѣ, совершенно понятно влеченiе вѣрующаго—сложить въ эту освященную величайшими мiровыми событiями почву свои бренные останки. Всякаго, кто встрѣчаетъ древнiя ворота одной изъ стѣнъ, опоясывающихъ „святой городъ", сейчасъ же охватываетъ мистическая атмосфера религiозныхъ воспоминанiй. Обычная городская жизнь въ Iерусалимѣ почти незамѣтна. Всѣ интересы разноплеменныхъ жителей сосредоточены около древнихъ святынь,—имѣющихъ видъ огромныхъ надгробныхъ памятниковъ, сооруженныхъ на огромномъ кладбищѣ.

ПОСЛѢДНЕЕ ПИСЬМО ШИЛЛЕРА КЪ ГЕТЕ.

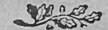
Глубокая, сердечная привязанность установившаяся между обоими великими поэтами, отразилась въ оживленной ихъ перепискѣ, обнимающей весь перiодъ знакомства поэтовъ—между 1794 и 1805 гг. Гете отзывался о шиллеровскихъ письмахъ, какъ о наиболѣе дорогихъ и милыхъ воспоминанiяхъ своей жизни, и послѣ смерти „веймарскаго соловья" самъ съ любовью собралъ и въ 1828 г. издалъ его письма. „Послѣднее письмо Шиллера я храню между своими драгоцѣннѣйшими сувенирами, какъ святыню" — говорилъ Гете Эккерману въ 1825 г. Письмо это, датированное 25 августа 1805 года, было написано Шиллеромъ за двѣ недѣли до смерти и только теперь появилось въ нѣмецкихъ газетахъ. Приводимъ его въ переводѣ:

„Веймаръ, 25-го августа 1805 г.

„Читалъ ваше разсужденiе о Вольтерѣ, но не могу съ вами согласиться относительно свойствъ, необходимыхъ для поэта. Къ „генiю, разуму, стилю" я добавилъ бы еще „характера, энергiи, темперамента". Не признавая у Вольтера настоящей глубины мысли, замѣчаю еще въ немъ недостатокъ внутренняго чутья, чего впрочемъ не хватаетъ всѣмъ французскимъ авторамъ, такъ же, какъ не хватаетъ имъ сердца.

„Затѣмъ позволю себѣ еще спросить васъ, не находите-ли и вы, какъ я, что Людовикъ XIV былъ наиболѣе типичнымъ французскимъ королемъ, со временъ Генриха IV? Въ сущности, Людовикъ XIV представляется мнѣ слабохарактернымъ, не проявившимъ никакой доблести даже на ратномъ полѣ, усиленiемъ же королевской власти онъ былъ всецѣло обязанъ правленiю двухъ своихъ министровъ.

„Вотъ соображенiя, пришедшiя мнѣ на умъ, когда я читалъ вашъ судъ надъ Вольтеромъ, и мнѣ захотѣлось ими съ вами подѣлиться. Шиллеръ".





Лазаретъ кружка русскихъ женщинъ на Архiерейской улицѣ.—Кровати имени генерала Кондратенко и Стесселя.
(Къ статьѣ г. Шубина „Внѣ бюрократической опеки").
Со снимковъ нашего фотографа, автотипiя „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей".

Типографiя „БИРЖЕВЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ" (С. М. Проппера), Спб., Мѣщанская, № 25. Редакторъ-издатель „Иллюстрированныхъ Бирж. Вѣдом." С. М. Пропперъ.